

(Джен)

-Что у вас для меня есть?

-Ничего, сэр. Мы продолжаем активно искать все возможные версии.

-Значит, он пропал с прошлой ночи.

-Да, сэр, судя по показаниям матери. Адела Свартхольм последний раз видела Блейка перед уходом на работу накануне вечером.

-Уходила на работу?

-Медсестра в кладбищенскую смену, сэр.

-Шеф, ребенок отсутствовал менее двадцати четырех часов. Разве это не означает, что он еще не считается пропавшим без вести?

-Ему нет восемнадцати, детектив. Это правило не действует. Вы узнали что-нибудь полезное от матери?

-Истерика?

-Вест, мне нужно назначить вам еще один тренинг по чувствительности?

-Мы еще не уверены в показаниях матери, сэр. Нам нужно проверить еще пару имен.

-Ну, тогда идите. Свободны.

Я знаю, о чем вы думаете, но вы ошибаетесь. В названии "Блинчик" есть слово "торт". Это достаточно близко. И я давно не ела по-настоящему вкусных блинов.

Блинчики Мэтта потрясающие. Ладно, вы можете подумать, что приготовить блины легко... так оно и есть. Но сделать хорошие блины - это сложно. Не у всех это получается. У моего брата есть; у моей мамы тоже. Семейный секретный рецепт. Рецепт, ингредиенты которого, к сожалению, не дошли до нас из разных стран. Как и кленовый сироп.

Блины с кленовым сиропом и сахарной пудрой. Это уже давно стало нашим семейным лакомством - завтрак на ужин. Такой особый сюрприз мы иногда получали, когда у нас была возможность сесть вместе и вкусно поесть. Сегодняшнее застолье было лучше, чем все, что я

когда-либо помнила, а это включало в себя несколько застолий в прямом смысле слова. Я не утверждаю, что Мэтт был каким-то кулинарным магом, заметьте. На вкус все было замечательно, но гораздо лучше - из-за компании.

Мама, например, была бодра и смеялась. Мы рассказывали обычные внутренние шутки, подшучивали над Мэттом по поводу его неожиданной новой любовной жизни и просто общались. Казалось, мы вернулись к тому, на чем остановились. Мне было так уютно и тепло за нашим маленьким круглым столом, только мы втроем. Я чувствовала себя... нормально. Относительно. Впервые я провела несколько часов без единой мысли о Сиравейле. По-прежнему изредка поглядывала в окно, чтобы убедиться, что там никто не наблюдает, но без обычных галлюцинаций и вспышек ужаса.

Единственный момент настоящего беспокойства возник, когда мама спросила меня о том, как идут дела в школе. Я отмахнулась от нее, или, по крайней мере, думала, что отмахнулась, но через несколько минут она вернулась, чтобы снова пристать ко мне. Я понимала, что она просто пытается быть хорошим родителем и все такое, но как, черт возьми, я должна был отвечать на вопросы о своей работе в классе семилетней давности?

Мэтт вообще не помогал. Он стал угрюмым и замкнутым, хотя мог бы легко переключить маму на другую тему. Только благодаря многолетнему опыту общения со своими противоположностями в палатке посла я смогла скрыть свои эмоции и перенаправить разговор туда, куда мне было нужно. Она была очень настойчива, и Мэтт явно перенял это от нее. Как только у них в голове появлялась задача, они не сдавались. Похвально, правда, за исключением тех случаев, когда целью была я.

Я люблю ее до смерти, не поймите меня неправильно. И я хотела ей все рассказать, но Мэтт сказал "нет". И, наверное, он был прав. Лучше бы мы просто держали все в секрете, пока все не прояснится, и мы не будем знать, что делаем, кому можно доверять.

Да, я немного лицемерю. Не надо.

Сара - моя лучшая подруга. И не та лучшая подруга, с которой ты общаешься чаще всего. Я имею в виду человека, которому я доверяю все. Она из тех, кто видела, как я плачу, кто знает все мои тайные увлечения и странные мысли, приходящие мне в голову, кому я не даю спать до трех часов ночи, неделями напролет болтая обо всем на свете. Я никогда ни о чем ей не лгала.

Ладно, это тоже ложь, если вы хотите быть дотошными. Но главное. Я никогда не лгала Саре, и она помогла мне пройти через многое. Например, через проблемы с отцом, или когда мама болела, или через дурацкие школьные дела, или через мой огромный кризис идентичности, когда я поняла, что значит, что моя фамилия отличается от фамилии Мэтта.

(Кстати, мы не усыновленные. Полнокровные братья и сестры - это сложно. Если вы вежливо попросите, я, возможно, когда-нибудь расскажу вам эту историю.)

Суть в том, что Саре можно доверять. Она - лучший человек, которого я знаю в этом мире,

за исключением, может быть, моей мамы. Но если моя мама никогда не понимала благоразумия, предпочитая делить все между членами семьи, то Сара никогда и никому не нарушит обещания. Может быть, Мэтт еще не знал этого, а может быть, он просто не обращал внимания на таких людей, как Сара, когда говорил, что мы никому не можем рассказать.

Так почему же я до сих пор не рассказала Мэтту о том, что сделала? Если признаться, я боялась. Боялась, что он скажет, что это плохая идея. Боялась, что он скажет мне больше не разговаривать с ней. Тогда мы столкнемся с серьезной проблемой, потому что я ни за что на свете не соглашусь на это. Я не хотела ссориться с братом. Мы уже делали это раньше, и все заканчивалось плохо. Очень плохо.

На данный момент секретность была лучшим вариантом. Сара знала достаточно, чтобы пока ни о чем не спрашивать. Это казалось неплохим компромиссом. Кроме того, это позволяло сохранить разрыв между ней и Мэттом.

Да, моя лучшая подруга и мой старший брат ходили на свидание, и это было очень странно. Но между ними всего год разницы... сейчас... и я имела в виду то, что сказала. Они казались милой парой. Я думала, им будет хорошо вместе. В смысле, они два моих любимых человека в мире, и они хотят быть вместе. Это не может быть плохо, верно?

Ведь так?

Нет, я не волнуюсь. Все будет хорошо.

Я беспокоилась о том, заметил ли Мэтт то, что я принесла в тот день. Когда мы вернулись домой из школы, я побежала проверить почтовый ящик. Опаньки, доставка в тот же день - чудо современной технологии. Я поспешила занести посылку в дом и подняться в свою комнату до того, как Мэтт вышел в гараж - я надеялась. Возможно, он увидел меня через окно. Не знаю. Думаю, я неплохо спрятала посылку. Во всяком случае, он об этом не говорил.

После ужина, пока мама помогала Мэтту убирать на кухне (даже когда он настаивал, чтобы она пошла отдохнуть и насладиться своим необычным выходным), я очень тихо и осторожно поднималась по лестнице. Обычно весь наш дом скрипел и стонал, куда бы вы ни ступали. Было практически невозможно передвигаться так, чтобы тебя никто не услышал. Впрочем, я многое узнала о том, как передвигаться бесшумно, и многие понятия по-прежнему были применимы. Мои ноги были легкими и быстрыми, и я все еще помнила многие места, где старое дерево издавало шум. В памяти всплыли воспоминания о многих ночах, проведенных с Тетевалленом и Нэфлином, когда я училась двигаться по лесу так, чтобы за мной слышался только шепот, не шуршать листьями и ветками и не делать звучных шагов, не теряя при этом ни единой доли импульса. Совершенно другая обстановка, но я могла приспособиться к основам, и я быстро училась.

К тому времени как я добралась до своей комнаты, я была практически призраком, мчащимся над полом, и не было слышно ни стука двери, ни ударов каблучков по полу.

Я не знала, зачем я это делаю. Не то чтобы моя семья не знала, где я нахожусь. Просто это было естественно. Умение бесшумно перемещаться практически везде - навык, который я оттачивала годами, и он был невероятно ценным. Я не хотела с ним расставаться.

Также в графе "Ценные навыки" значилась посылка, которую я заказала днем по телефону Карла, - удивительно короткая картонная коробка, которую я задвинула под кровать. Я медленно открыла ее, стараясь не производить лишнего шума, отрывая пленку. Внутри лежал красивый трехкомпонентный кленовый лук, который легко разбирался и собирался. К нему прилагался чехол из жесткой кожи с колчаном и набором стрел с перьями.

Я достала лук и собрала его, хотя сразу натягивать тетиву не стала. Я не хотела напрягать дерево и не собиралась использовать его в ближайшее время, так что пока не было причин возиться с ним. Я провел рукой по струнам, ощущая гладкую кленовую древесину и идеальную отделку. Она была идеальной. Слишком идеально. Я пожалела, что у меня до сих пор нет лука, который я сама помогла сделать, но отогнала эту мысль. Это было глупо. Я никак не могла собрать лук такого качества с теми инструментами и материалами, что были у меня здесь. Кроме того, вместо традиционного дерева можно было использовать более современные материалы, а я не была пуристкой.

Например, конечности этого лука были сделаны не из дерева или любого другого материала, известного в Сиравейле, а из черного стекловолокна, закручивающегося назад и вверх, чтобы создать изящный изгиб, увеличивающий вес стрелы при натяжении. Я содрогнулась, представив, что может подумать о таком Тетваллен, но я же не могла просто укрепить конечности с помощью этмалы. В этом мире я еще не чувствовала никакой связи или возрождения, так что приходилось обходиться подручными средствами. Стекловолокно сгодится, даже если блестящий черный цвет будет совершенно не сочетаться с приятными коричневыми завихрениями кленового дерева.

Довольная, я разобрала его и вставила три части обратно в свои гнезда в пенопластовой подкладке кожаной сумки. Сумка носилась на поясе и имела прикрепленный цилиндрический футляр для стрел. Я примерила набедренную повязку, тщательно проверяя ее. После нескольких регулировок она стала прогибаться под моими движениями, но держалась крепко и надежно. Он не раскачивался без необходимости, не зацеплялся за вещи и не мешал мне спускаться. Экспериментируя, я потянулась и обнаружила, что могу схватить стрелу - быстро и безболезненно, как мне и требовалось.

Я осмотрела стрелы. Они оказались дороже, чем я рассчитывала, но на ощупь были прочными и гладкими, а оперение - превосходным. Наконечники были широкими, и казалось, что они справятся со своей задачей. Да и летят они ровно, даже если использовать странные цвета перьев. Думаю, однотонные белые и черные позволяли легче заметить их на охоте. Я убрала их в сумку, не желая, чтобы они лежали в колчане на виду, на случай, если кто-то будет подглядывать.

И наконец, нож. У меня было гораздо меньше опыта работы с ними, во всяком случае, с точки зрения материалов и качества. Но я определенно знала, как им пользоваться. Я осмотрела его, и он показался мне отличным. Лезвие было острым, а длины хватало для всего, для чего я могла бы его использовать. Я почувствовала удовлетворение.

Сумка отправилась под кровать, спрятавшись под простыней, а я последовала ее примеру и рухнула под свое одеяло. Каждый мускул болел от усталости. Я плотно натянула одеяло и свернулась калачиком, ожидая, когда установится тепло, и жалея, что у меня нет огня или чего-нибудь еще, поскольку я не могла согреться, как обычно.

Вы можете купить лук через интернет, и его доставят вам в течение девяти часов. С ума сойти!

Отбросив эти мимолетные мысли, я задремала всего через несколько мгновений. Настоящий сон наконец-то пришел после одной ужасной ночи бессонницы и изнурительного первого дня возвращения. Я была так благодарна, что наконец-то смогла заснуть по-настоящему. Но пока я погружалась в сон, мои мысли были сосредоточены на том, что я только что купила. Оружие.

Впервые с тех пор, как я вернулась домой, я чувствовала себя в безопасности. Это меня очень беспокоило, но я ничего не могла с собой поделать. У меня не было никаких логических причин ожидать чего-то, но мой мозг решил, что логика может идти к черту. В моих руках этот лук был смертоносным, быстрым и практически бесшумным оружием, а нож - отличным дополнением. Они бы идеально подошли для того, чтобы быстро прекратить бой, если бы на меня напали.

О чем, черт возьми, я думаю? Я не хотела никого убивать. Это не я. Я даже не хотела никого ранить.

Так почему же, засыпая, я крепко сжимала нож под подушкой?

Следующий день (четверг, поскольку я наконец-то снова выучила названия дней) был катастрофой.

Я, конечно, говорю это в самом хорошем смысле, но я уверена, что все испортила за один день. Вперед, команда Джен.

Давайте я отмотаю назад и немного объясню, что произошло. Все началось хорошо. Я проснулась на следующее утро, проспав около пятнадцати часов подряд, нож все еще был в руке. Я позавтракала - оладьи, оставшиеся с вечера. Мэтт положил их на тарелку в холодильнике и оставил липкую записку с моим именем. Мама уже ушла, так что дом на некоторое время оказался в моем распоряжении. В основном я просто смотрела в заднее окно, пока жевала, на лес за нашим задним двором.

За нашим домом был небольшой лес. Он был не очень большим, но достаточно глубоким, чтобы в нем можно было заблудиться, почувствовать, что чувство направления полностью

пропало, окруженное разбросанными деревьями и зарослями подлеска. Конечно, поскольку мы все еще находились довольно близко к нескольким крупным дорогам, слабый шум проносившихся мимо машин был неизбежен. Лес заглушал его, но лишь настолько. Лес Сиравейл был гораздо больше, и проехать через него было сложнее, но он находился на другом конце города, еще дальше от него.

Сейчас я испытывала острую, первобытную тоску по этим деревьям. Сесть под сенью огромного ствола, в уютном уголке его толстых корней, с рассеянным солнечным светом, проникающим сквозь слои листьев надо мной, почувствовать, как ветер шелестит ветвями и слоями плюща и опавших веток устилает пол, наполняя мои ноздри ароматом коры и древесного сока, а может быть, и запахами предстоящего ливня.

Но мне нужно было идти в школу.

Я собрала сумку и вышла за дверь. Я успела захватить расписание уроков (с помощью Сары), так что я знала, что у меня сегодня, а не просто слепо надеялась, что ноги сами приведут меня в нужный кабинет. Наша школа работала по графику чередования дней, так что сегодня у меня был новый набор занятий. По четвергам у Сары тоже что-то было утром, так что я шла в школу без нее. Однако остальные мои друзья уже ждали меня у ворот. Я поздоровалась, как обычно, поприветствовала их, но всю оставшуюся дорогу избегала разговоров. Я просто позволила им говорить. Сегодня я действительно не чувствовала этого, особенно с ними.

Их разговоры казались такими... не знаю. Неважными? Я ненавижу себя за то, что так подумала. Неужели это делает меня сверхзаносчивой? У Нэфлина наверняка нашлось бы для этого несколько подходящих слов.

Я просто больше не могла вникать в сплетни, тем более что половину людей, о которых шла речь, я почти не помнила. Не так уж много сочной информации, когда имена пролетают мимо, как лепестки на ветру. Я знала, что потом буду жалеть о том, что не обратила на это внимание, но сейчас это казалось слишком большим трудом.

Извините, возвращаюсь к теме, день катастрофы. Утром ничего интересного не произошло. Перейду к наиболее примечательным моментам. Это случилось в перерыве между вторым и третьим уроком.

Я просто стояла у своего шкафчика в коридоре. Ничего особенного. (Спасибо, кстати, Саре за то, что она показала мне, где находится мой шкафчик, лишь слегка приподняв брови в знак беспокойства). Я весь день возилась со своей сумкой, пытаюсь не дать находящимся в ней вещам разлететься по сторонам, когда я шла. Она издавала слишком много шума. Я говорила себе, что это неважно, но инстинкты упрямо настаивали, пока я не сдалась. Я разложила все сыпучее по маленьким пакетикам и наполнила их ватными шариками, которые взяла в художественном классе.

Я чувствовала себя умной и довольной, поэтому, конечно, что-то должно было пойти не так.

Неподалеку пара парней играла в мяч. Хорошие ребята, на самом деле. Дальнего из них я смутно помнила с давних пор. Кажется, мы учились в одном классе начальной школы, или что-то в этом роде. Я обратила на них внимание, точно так же, как всегда следила за каждым человеком в радиусе тридцати футов или около того. Но я отвлеклась, пытаюсь разобраться в содержимом своего шкафчика и понять, что на самом деле представляет собой половина хранящегося там хлама и действительно ли я выбрала убогие украшения на дверце, и не заметила, как прилетел мяч, пока он не врезался в стену перед моей головой.

Предметы, летящие мне в голову, не были чем-то новым. Обычно они были более острыми. Но сходство все же было. Порыв воздуха, когда он пронесся мимо моего лица, вспышка предмета, который я успела заметить лишь мельком. Внезапно мои мысли унеслись в совершенно другое место, когда я повернулась и столкнулась лицом к лицу с рычащим капавазом, несущимся на меня с глазами, полными ненависти, и поднятыми кулаками.

Я ударила. Сильно. Он был выше и намного крупнее меня, но он был безоружен. Нужно было сделать что-то быстрое и прямое, чего он не ожидал. Я нацелилась на его незащищенный живот.

Резкий удар в нижнюю часть живота, в незащищенное мясистое место. Он начал двоиться от шока. Теперь я могла использовать его силу и вес против него. Когда я уклонилась в сторону, моя сильная правая нога зацепила его несбалансированную левую.

Он попятился вперед. Его голова врезалась в стену шкафчика. Я развернулась, чтобы последовать за ним. Моя рука выхватила нож из кобуры на поясе за спиной. Одно колено попало ему прямо в позвоночник, вдавив его в землю. Я схватила его за голову и приставила лезвие к горлу.

Он был в моей власти.

-Какого черта?

Реальный мир вернулся на свои места. Я не убивала какого-то расиста, разжигающего ненависть, а всего лишь парня из футбольной команды. Он пытался поймать неудачный бросок своего друга и отвлекся. Чуть не налетел на меня.

И я набросилась на него с клинком. Свалил его. Я чуть не убила его.

Ледяной ужас охватил все мои внутренности. Я соскочила с него и спрятала нож в рукав, молясь каждой звезде, которую только могла вспомнить, чтобы спрятать лезвие до того, как его заметит кто-нибудь еще. Я протянула парню руку. Его друг поспешил подойти, а вокруг нас собралась небольшая толпа, возбужденно переговариваясь.

О, Боже. Это плохо.

-Спасибо, - неловко предложила я.

-Уроки самообороны, я прав?

-Он сказал это медленно, но все равно взял меня за руку. Я потянула его за собой, испытывая облегчение от отсутствия конфронтации. Он и не заметил, как секунду назад был близок к смерти. Из-за меня. Из-за того, что я облажалась.

-Ты в порядке? - спросил его друг, пристально глядя на меня.

-В порядке ли она? - ответил тот.

-О, смирись с этим, Крис. Ты все равно не пользовался этой головой. Я хихикнула, несмотря на себя, а друг ухмыльнулся. -Как ты это сделала, Дженни?

Короткое мгновение веселья ушло в холодный лед. Не поймите меня неправильно, я люблю быть в центре внимания в хорошие дни, но этот день точно не был хорошим. Если бы я была готова к этому, я могла бы использовать внезапно возникшую у меня тенденцию "загадочной крутой девчонки" и нести ее до следующего танца, но прямо сейчас? Я была в режиме "волас нам манав". В моей крови было столько адреналина, умоляющего меня сбежать, что я не могла усидеть на месте. Правая рука судорожно сжимала рукоять ножа в рукаве, ожидая удара.

Мне нужно было выбраться оттуда. Сердце колотилось о внутреннюю поверхность черепа, обливаясь кровью.

Они все еще ждали, что я скажу. -Я кушаю свои овощи, - неубедительно сказала я. - Извините, мне нужно бежать.

Не оглядываясь, я схватила свою сумку и закрыла шкафчик. За несколько секунд я полностью покинула здание.

<http://tl.rulate.ru/book/75332/3425037>